

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ АРМЯНСКОГО НАРОДА

МОДЕЛЬ ГЛОТТОГЕНЕЗА АРМЯН

(На материале данных диахронической фонологии
индоевропейского консонантизма)

ГЕОРГИЙ КЛЫЧКОВ (Москва)

Армянский занимает совершенно особое место среди индоевропейских языков. Если распределение языковых черт внутри континуума общиндоевропейских диалектов обычно имеет плоскостной характер и изоглоссы показывают близость или расхождение языков в одном измерении, то армянский обладает сходством с языками географически отдаленными и оказывается отличным от языков одного ареала, локализуясь как бы в третьем измерении. Аналогичные выводы были получены калкуляционным путем А. Л. Крубером и Ч. Д. Кретеном в 1937 г.¹ Авторы вычисляли коэффициент схождения Q между индоевропейскими языками, нанося на диаграмму «расстояние» между языками $I-Q$. Индоевропейские диалекты с большим коэффициентом схождения оказались расположенными соответственно распространению современных представителей соответствующих языковых групп. Армянский на диаграмме не находит места, его Крубер располагает над плоскостью в 3-ем измерении. Как видно из диаграммы, полученные коэффициенты подтверждают существование балтославянской, италокельтской и индоиранской общностей.

Наиболее полно исключительное место армянского языка проявляется в области фонологии. Еще в 1916 г. М. Граммон писал: «То, что нам кажется наиболее интересным в армянском языке с точки зрения общей фонетики, это противоречие данных армянского языка одному из наиболее важных принципов исторической фонетики, который все более и более приобретает значение основного принципа эволюционной лингвистики. Это принцип симметрии, параллелизма и единообразия фонетических изменений. В армянском симметрия, единообразие и параллелизм нарушены почти везде»².

¹ A. L. Kroeber, C. D. Chretien, Quantitative classification of Indoeuropean Languages („Language“, vol. 13, № 2, 1937); A. Ellegard, Statistical measurement of linguistic relationship („Language“, vol. 35, № 2, part 1, 1959); A. L. Kroeber, Statistics, Indo European and Taxonomy („Language“, vol. 36, № 1, part 1, 1960).

² M. Grammont, Notes de phonétique generale, VI-Armenien classique, MSLP, XX, 5, 1916, p. 218.

Наиболее интересным представляются своиственные армянскому языку тенденции образования открытых слогов (силлабофонем), просодизации дифференциальных признаков и их подвижности внутри фонологического слова.

Древнеармянский внутри слова обладает только открытыми слогами³, в нем не было геминат и групп согласных. Консонантные сгущения,

возможно, появляются в армянском только как вторичные образования в заимствованных словах и в словах, где произошло выпадение *i* или *u*, например, др.—арм. [վաժիշար] (vad^hšar) «худший», др.—арм. (վազցիւ) [kaçces] «остановился бы» из *kaçices. Однако и здесь данные графики могут быть обманчивы и внутри группы может содержаться нефонологический гласный пазвук *kaçices > kaçces. Ср. *սրտիտ* [sər(ə)tot] «смелый» к *սիրտ* [sirt] «сердце», *սրտի* [sərti] «сердца», *դստերք* [dəsəterk^h] «дочери» к *դուստր* [dustər] «дочь»; ср. заимств. *լեւեր* [ləter] к греч. *λεω*. Все остальные сочетания согласных, особенно в начале слова, всегда имеют опорный редуцированный гласный. «Армянский представляется языком, в котором исчезли все группы согласных», — писал А. Мейе. На наш взгляд, это, наоборот, исключительно древняя типологическая черта, восходящая к протоиндоевропейскому состоянию. Как в современном армянском, так и в грабаре графическая традиция, исключая знак *ը* [ə] из сочетаний согласных, указывает на нефонологический характер этого пазвука.

Дефонологизация интерконсонантного *ը* [ə] означает наличие в структуре слова класса силлабофонем типа CV. Счет слогов ведется в слове в грабаре не по гласным, а по согласным (исключая конечный)⁴. Глагол типа *գլիւ* «идти» произносится [gəpal] и, подобно всем мно-

³ A. Meillet, Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique, Vienne, 1936, p. 52 и сл. Ср. А. С. Гарибян, Краткий курс армянского языка, Ереван, 1960, с. 14.

⁴ О конце слова см. A. Meillet, Esquisse..., p. 56—59. Гласная конечного слога, бывшего безударным в индоевропейском, редуцируется. В результате ударение оказывается всегда на конечном слоге; старая конечная согласная выпала. Так, арм. eber «он принес» соответствует др.-инд. abharat.

госложным словам, не имеет аугмента в 3-м лице единственного числа аориста. Статус армянского редуцированного *ɾ* [ə] поднимает много спорных вопросов в корфологии армянского языка, поскольку, не будучи в ряде случаев фонемой, он может вступать в альтернации с другими фонемами, может выступать как однофонемная морфема в аугменте или как фонематичная, но не имеющая морфемной значимости протеза.

Ряд фонетических явлений указывает на подвижность фонологических признаков внутри слога (образование силлабофонем); это выделение дифференциального признака в виде сегмента (индукция), распространение признака на ряд слогов (сингармонизм), транспозиция дифференциального признака согласного на гласный (слоговой сингармонизм).

Признак лабиализации может выделиться в качестве сегмента при переходе [eɾ] > [aw], например, в *եաւթ* [eawtʰəp] „сечь“ к лат. *septem*. „Это означает,—пишет по данному поводу Ст. Манн,—что прототип *е изменился в а в присутствии губного, от которого сохранилось w в качестве остаточного эхо“⁵. Фонема *i* становится [e] перед [u] следующего слога, так, от *տէր* „хозяин“ образовано *տիրի* [tʰirɪ] „господствовать“, но *տէրութիւն* [tʰerutʰiwn] „господство“ (сингармонизм).

Индукцию Ст. Манн усматривает также в арм. *շար* *šar* „черта“ из **kjərɪ* < **kəɾɪ*.

В некоторых современных диалектах сингармонизм связан с палатализацией гласных по закону Ачаряна (слоговой сингармонизм); этот закон типологически очень напоминает сингальский «умлаут» и палатализацию под воздействием звонкого согласного в мон-кхмерском. По закону Ачаряна, слогам типа CV (где C—звонкий согласный) в некоторых диалектах соответствует *C̥V̄* (где *C̥*—глухая согласная фонема, *V̄*—палатализованная гласная). Так, *ba* соответствует *pā* и т. д. В ванском диалекте палатализация захватывает только гласный *a*, в сюникском она распространяется и на другие гласные. Процесс охватывает и русские заимствования. В двухрядных системах спирантов *z-s*, *ž-s* палатализация гласного после звонкого проходит без оглушения инициали, например, *բահ* *baḥ*, сюник. *բահ* *pāḥ* „лопата“, *բարակ* *barak*, сюник. *բարակ* *pāḡāk* „тонкий“. Этот процесс описывается как подвижность дифференциального признака звонкости в слоге.

К явлениям этого же ряда относится возникновение лабиального пазвука при выпадении в др.—арм. в середине слова фонемы **p* (ср. следующее высказывание Ст. Манна: „Internal loss of **p* sets up a residual echo of u-type in certain words“⁶, например, арм. *տաւ* *taw* „тепло“ к др.-инд. *taptiḥ*, русск. тепло, брет. *tez*, вал. *tess* и т. д.

⁵ St. Mann, *Armenian and Indo-European (Historical phonology)*, London, 1963.

⁶ Там же, с. 3.

Ср. перенос палатального пазвука-глайда в первый слог при дифтонгизации в древнеармянском начального слога, если второй содержал сонорный + i, например, *ալր ալր* „мужчина“ к др. инд. *агуаһ*; *ալի ալի* „тот“ к др.—инд. *апуаһ*, хет. *епі*; *ալլ ալլ* „другой“, греч. *ἄλλος*, лат. *alius*, гот. *alljis*. Ср. также возникновение лабиального пазвука (чередующегося с палатальным в родительном падеже) как отражение *tr: *հալր* *hajr* „отец“, лат. *pater*, но род. п. *hawr* „отца“, греч. *πατήρ*; *հղբալր* *eḫbajr* „брат“, но род. п. ед. ч. *հղբաւր* *eḫbawr* и т. д.

В описанных случаях дифференциальный признак фонемы становился характеристикой сочетания гласного и согласного, слога, группы слогов, фонетического слова или, иначе говоря, испытывал просодизацию. Просодический характер имеет в армянском и придыхание, которое может соответствовать индоевропейским ларингальным, восходить к индоевропейским смычным, спиранту *s* и быть неэтимологизируемой протезой.

В армянских диалектах наблюдается много случаев неэтимологизируемого просодического придыхания, означающего глухость вокалического начала слова⁷.

С ю н и к с к и й д и а л е к т:

- Арм. *աներ* [aner] сюн. *հաներ* [haner] „тесть“
 Арм. *անիտ* [anits] сюн. *հանիտ* [hanits] „гнида“
 Арм. *արձակ* [ardzak] сюн. *հարձակ* [hārdzak] „свободный“
 Арм. *բուր* [bur] сюн. *հաբուր* [haphur] „горсть“
 Арм. *պարապ* [parap] сюн. *հապարապ* [hapaḡap] „без дела“

К а р ч е в а н с к и й д и а л е к т:

- Арм. *ագի* [agi] карч. *հագին* [hagin] „хвост“
 Арм. *աղագ* [a]ag] карч. *հղակ* [həjak^k] „дорога“
 Арм. *ալեւոր* [alevor] карч. *հըլեւոր* [həlevun] „старик“.

Ср. примеры Э. Б. Агаяна, который отмечает, что литературным *ընկեր* [əpker] „товарищ“, *ի՞նչ* *inč* „что“, *ով* *ov* „кто“, *իմ* *im* „кому“, *իշխի* *yisel* „помнить“, *ղիւ* *uḫ* „послать“ соответствуют формы с придыханием.

Начальное *h*—в древнеармянском было неустойчиво, возникали варианты слов с начальным *h*—и без него, которые потом получали различные лексические значения, причем форма, маркированная *h*, обычно более содержательна, маркирована и в лексическом или экспрессивном отношении. А. В. Ереян пытался установить здесь различные группы отношений⁸. Например, формы с *h* обладают более узким специфическим значением: арм. *ողի* *og*l „дыхание“, *հոգի* *hog* „дух“, *երկ* *erk* „работа“, *հերկ* *herk* „борозда, пахота“. Далее формы с *h* могут иметь результатив-

⁷ Н. А. Вартапетян, Сюникский диалект (автореферат канд. дисс.), Ереван, 1962, с. 12; О. Д. Мурадян, Карчеванский диалект (автореферат канд. дисс.), Ереван, 1958, с. 12.

⁸ A. V. Jerejian, The H-zero alternation in classical Armenian („Word“, IX 2, 1953, p. 146).

ное значение: *առնառնաժ* astuats „бор“, *հառնառնաժ* hastuats „творение“, *արկ* ark „наложить“, *հարկ* hark „налог“, *անկ* a k „упасть“, *հանկ* „отдыхать“; *արրի* или *արրինալ* arbenal „пить“, но *հարրի* или *հարրինալ* „быть пьяным“.

Формы с придыханием имеют иногда более интенсивное значение, например, *արց* arс „посещение“, *հարց* „обследование“. Ср. арм. *ոտ* отп „нога“, ст.-сл. подъ, др. греч. дор. *πός* арм. *հետ* het „след“, греч. *πέδον*, др. прус. *pedan*.

Придыхание h—в начале слова перед согласной является глухой редуцированной гласной, например, арм. *հրդեհ* hrdeh „пожар“, *հզոր* „мощный“, *հմուտ* hmut „опытный“. Оно встречается в конце и середине слова, например, *ահ* ah „страх“, *ահեղ* aheļ „страшный“ и т. д. В ряде случаев h—является неэтимологизируемой протезой и в заимствованиях, например, арм. *հալվեց* halves из греч. *ἁλόν*, арм. *հոկտեմբեր* hoktember „октябрь“ и т. д.

Связь придыхания с лексической маркированностью свидетельствует о том, что начальное h—как отражение «ларингального» первоначально имело экспрессивную, эмфатическую функцию. На это указывает также тот факт, что, по наблюдениям Э. Полеме, придыхание из ларингального встречается только перед ударной полной гласной и не встречается перед индоевропейской гласной на ступени редукции. Армянское придыхание становится в один ряд с теми случаями в индоевропейских языках, когда придыхание является просодической характеристикой ударного слога. Армянское придыхание регулярно соответствует индоевропейским ларингальным и хеттскому *h*. Параллелизм армянских рефлексов ларингальных с придыханием смычных, его просодический характер показывает, на наш взгляд, не просто сохранение индоевропейского *Н в арм. h, но и сохранение тех генерирующих словесных структур, которые и в армянском, и в праязыке обуславливали новосоздание той черты супraseгментной модели слова, которая в одискреченном формальном языке сравнительной реконструкции описывается как «ларингальные».

Основные примеры армянского h, соответствующего ларингальному, следующие:⁹

Арм. *հովիվ* hoviv „пастух“, лат. *ovis*, лит. *avis* „овца“, *avinas* „баран“, ст.-сл. овъца, др.-исл. аег, двн. *ouwl*, др.-ирл. *oi*, арм. *audl* „баран“, отражает ступень редукции, по форме (основа на -l-) соответствует гот. *awe pl* „стадо баранов“.

Арм. *հոտ* hot „запах“, лат. *odor*, ступень редукции в арм. *առնառնաժ* ateam „ненавижу“ к лат. *odium*, др.-англ. *atol* „безобразный“, гот.

⁹ W. Winter, Armenian evidence for proto-Indo-European laryngeals („Evidence for laryngeals“, Austin, 1960, p. 27 и сл.); E. Polomé, Reflexes de laryngals en Armenien („Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientale et slave“, X, Bruxelles, 1950, p. 540); cp. W. M. Austin, Is Armenian an Anatolian language? („Language“, XVIII, I, 1942, p. 22).

hatis „ненависть“, hatjan „ненавидеть“, вал. sawdd „гнев“, ирл. sais. вал. cas „ненависть“, где представлено чередование К/Н как в русск. кость, хет. hastai, лат. ossua, costa и т. д.

Арм. հաւ haw „дед“, хет. huḥhaš, лик. xuga, др.-прл. ае. лат. avis, лит. avūnas, гот. awo „бабушка“, др. исл. afi „дедушка“.

Арм. հայ հан „бабушка“, хет. ḥannaš, др. прус. ае. лат. аппа. хет. ап-па-аš „мать“, ḥappaš „бабушка“; ср. также шһһр апег „тесть“, днал. вариант haner.

Арм. հաւ haw „птица“, лат. awis, умбр. awif, awef, др.-инд. vṛh, veḥ, греч. ἄετος „орел“, алб. vito „голубь“, что связано этимологически с арм. հողմ hoim „ветер“ к греч. ἄελλα из *afēlla: ср. тот же этимон в арм. հովիտ hovet „дую, вею“, греч. ἄνι: хет. ḥuanteš „ветер“.

Арм. հում hum „сырой“, греч. ὠμός др.-инд. āmaḥ.

В некоторых этимологически более сомнительных случаях с армянскими можно найти только хеттские корреспонденции¹⁰.

Возникающая картина парадоксальна: явные новообразования показывают стабильные фонетические корреспонденции с элементами протоиндоевропейского праязыка. В последние годы резкая критика ларингальной теории становится «общим местом» обзорных работ по теории сравнительного языкознания. При этом генезис долготы гласных объясняется морфологическими соотношениями в структуре слова, а хеттское *h* — (и армянское *h* —) как «протеза». Думается, что до сих пор еще никто не обратил внимания на базисный факт, повторяющий исходные наблюдения ларингальной теории: консонантные протезы и фонологическая долгота в индоевропейских языках находятся в дополнительном распределении — протезы особенно характерны для языков без фонологический долготы. Наличие промежуточных случаев типа итальянского не может опровергнуть этого тезиса.

Индоевропейские языки делятся на три категории: 1) языки без фонологической долготы гласного (хеттский, армянский, славянский), но с широко развитыми консонантными протезами *h*-, *γ*-, *w*-; 2) языки с долгими гласными без консонантных протез (большинство древних индоевропейских языков);

3) языки, где *h*- или *-h*- и долгота гласного отражают две диахронические подсистемы, причем вторая развивается из первой (типичный случай — итальянский ареал и близкие доиталийские языки, например, мессапский)¹¹. В доиталийских диалектах древней Италии существует прочная графическая традиция обозначения долготы как сочетания *Vh*, в латинском и только в латинском представлены единичные случаи удлинения типа *HV > V*, например, хет. ḥa-aš-ši-i „очаг“, лат. aga „очаг“.

¹⁰ Гр. Капанцян, Историко-лингвистические работы. К начальной истории армян, Ереван, 1956, с. 332 и сл., с. 80.

¹¹ G. S. Kłyszko w, Teorija rozwoju języka i językoznawstwo historyczno-porównawcze, Warszawa, 1975, p. 268.

Кельтские и албанские единичные корреспонденции объясняются аналогично.

Парадокс «армянского ларингального» заставляет задуматься над тем, что и протоиндоевропейские ларингальные были просодическими элементами ударного слога (силлабофонемы).

Место в системе, занимаемое аспирацией, важно для понимания армянского передвижения согласных. Традиционно считается, что и.-е. *bh, *dh, *gh соответствуют древнеармянским чистым звонким *բ, զ, գ*.

Арм. *բերիմ* berem «несу», греч. *φέρω*, др. инд. bhārami, лат. fero, гот. baīra,

Арм. *բարձր* barġr «высокий», *bhergh, хет. parkuṣ, тох. B parku, вал. bera «высота».

Арм. *դնիմ* dñem, аор. *դնի* edl «ставить, класть», и.-е. *dhē, др.-инд. adhat.

Арм. *դիմ* diem «сосу», др.-инд. dhayati, греч. *διψάω*, лат. felare, др.-ирл. dīnu «ягненок», гот. daddjan «доить».

Арм. *դուստր* dustr «дочь», лит. duktė, русск. «дочь» и т. д.

Арм. *դանիմ* ganem «бью», ст.-сл. гнати, лит. genù, греч. *θύνω*, хет. kupanzī, др.-инд. hanti «убивает», др.-инд. ghanāh, греч. *φύνομαι* «убийство».

В целом в древнеармянском литературном языке на месте и.-е. *dh, *d, *t, согласно традиционной точке зрения, представлены d, t, th. Пересмотр этой схемы был начат в 1904 г. Х. Педерсеном, предположившим, что древнеармянские *բ, զ, գ* были звонкими придыхательными. Отражение индоевропейских шумных в армянском, как известно, очень пестро и получало неоднократно различные толкования¹².

Итоги обсуждения вопроса заключаются в следующем: 1) фонологические элементы, являющиеся в армянском консонантизме нововведениями, могут вступать в регулярные фонетические соответствия с элементами индоевропейской праязыковой системы; 2) процессы «передвижения» связаны со структурой слова, позиционно обусловлены;

¹² Н. Pedersen, Armenisch und die Nachbarsprachen, KZ, XXXIX, 3, 1914, S. 334; Н. Adjarlan, Classification des dialectes armeniens (Bibliothèque de l'École de Hautes études, 177, Paris, 1909); A. Meillet, Les dialectes indoeuropéennes, Paris, 1922, p. 12—13; W. S. Allen, Notes on the phonetics of an Eastern Armenian speaker (Transactions of the Philological Society, Oxford, 1950); E. Benveniste, Sur la phonétique et la syntaxe de l'arménien. La mutation consonantique et les dialectes modernes (BSLP, LIV, I, 1959); Н. Vogt, Les occlusives de l'Arménien (NTS, XVIII, 1958, p. 143—161); А. Гарибян, Индоевропейский консонантизм в отражении армянских диалектов (ՀԱՍՏԻՍՈՒԹՅԱՆ, 1956, № 2); его же, Об армянском консонантизме («Вопросы языкознания», 1959, № 5); Ж. Фурке, Генезис системы согласных в армянском языке («Вопросы языкознания», 1959, № 6); Э. Б. Агаян, О генезисе армянского консонантизма («Вопросы языкознания», 1960, № 4). Ср. В. И. Георгиев, Передвижение смычных согласных в армянском языке и вопросы этногенеза армян («Вопросы языкознания», 1960, № 5); Г. Б. Джаукян, К вопросу о происхождении консонантизма армянских диалектов («Вопросы языкознания», 1960, № 6).

3) представлены регрессивные изменения; 4) завершившись, изменение не прекращается, а продолжает действовать также в новообразованиях и заимствованиях.

Тем самым мы не можем говорить о передвижении или «сохранении» протоиндоевропейских сегментных шумных согласных фонем; с нашей точки зрения, здесь представлено нечто гораздо большее, а именно—сохранение генерирующего механизма, непрерывно новосоздающего элементы фонологии слова, которые, вероятно, очень часто сегментно соответствуют индоевропейским элементам и всегда соответствуют им типологически. Этот генерирующий механизм заключается в подвижности дифференциальных признаков внутри слога.

Реконструкция индоевропейского консонантизма предполагает строгое выделение фонемных классов, находящихся в противопоставлениях по некоторому набору дифференциальных признаков, хотя спецификация этих классов и точное определение признаков, по которым противопоставлялись три ряда шумных взрывных, оставались в известной мере областью догадок и предположений. В конце 60-х и начале 70-х годов ряд исследований был посвящен доказательству частой просодизации в современных языках тех признаков, которые участвовали предположительно в дифференциации праязыковых фонем. Аспирация имеет просодический характер в исландском языке¹³, в индоиранских языках также выяснилось, что аспирация «должна исследоваться как просодическая черта слога и слова в целом»¹⁴, наряду с аспирацией как просодический признак выступает толчковое ударение, глоттализация, а также назализация, которая «является просодической фонемой, которая имеет область реализации на более чем одной сегментной фонеме»¹⁵. Наложение аспирации на вокалическую часть слога приводит к возникновению дифференциального признака «бормотности» (*murmur, murmured vowels*)¹⁶, который, по исследованиям Э. Фишер-Йоргенсен, выражается в большем выделении энергии в формантах гласных и долготе. Просодизация дифференциальных признаков уходит в прошлое языковой семьи¹⁷, сравнение крайних ареалов индоевропейской языковой области

¹³ Г. С. Клычков, Типология фонологических систем. Исландский консонантизм и скандинавские тоны («Структурно-типологическое описание современных германских языков», М., 1966), 1.

¹⁴ M. A. Hal, Aspiration in standard Bengali (*Indian Linguistics*, I, 1958, p. 145).

¹⁵ H. M. Hoenigswald, Declension and nasalisation in Hindustani (*Journal of the American Oriental society*, vol. 63, № 3, 1918, p. 139); J. K. Firth, Phonological features of some Indian languages (*Proceedings of the second international congress of phonetic sciences, Cambridge, 1966*, p. 179).

¹⁶ P. B. Pandit, Nasalisation, aspiration and murmur in Gujarati (*Indian Linguistics*, vol. 17, 1957).

¹⁷ Г. С. Клычков, Консонантизм и структура слова ДД, М., 1967; его же, Передвижение согласных в ведическом («Ученые записки МОПИ им. Н. К. Крупской», т. 234, вып. 23, 1968); его же, Просодическая аспирация в исландском и северо-западный ареал индоевропейских языков («Скандинавский сборник XVIII», Таллин, 1973).

(германского и индоарийского) позволяет с уверенностью реконструировать источник этих процессов в праязыке. На уровне модели праязык приобретает силлабофонемный характер, а разложение силлабофонемики определяет возникновение систем исторических индоевропейских языков¹⁸. На уровне метатеории силлабофонемика—недискретная фаза развития—является источником потенциально возможных «переживаний» развивающейся системы¹⁹. Близкие взгляды высказывались В. К. Журавлевым²⁰.

Наиболее интересное и творческое развитие этот круг идей получил на ином материале в работах Л. Г. Герценберга²¹.

Просодическая проблематика исследований получает все более широкое распространение²² и результаты их стали распространяться на системы реконструкций, использующих сегментные модели. Сущность этого направления заключается в использовании просодических дифференциальных признаков вне силлабофонемной (просодемой) модели. В последние годы наиболее часто используется таким образом признак глоттализованности, в основном на основании типологической аналогии с картвельскими языками и в поддержку малоазиатской гипотезы происхождения индоевропейцев. Это было сделано О. С. Широковым, одновременно В. В. Ивановым и Т. В. Гамкрелидзе²³ и П. Хоплером²⁴. В индоевропейской языковой области глоттализация широко известна именно как просодическая черта, явление, не связанное исключительно со взрывными, и гипотеза не основывалась на каких-либо новых наблюдениях над индоевропейскими фактами²⁵. Система индоев-

¹⁸ Г. С. Клычков, Типологическая гипотеза реконструкции индоевропейского праязыка («Вопросы языкознания», 1963, № 5).

¹⁹ Г. С. Клычков, Моделирование языка во времени. Процесс и система («Biuletyn polskiego towarzystwa językoznawczego», Warszawa, 1971, v. 29).

²⁰ В. К. Журавлев, Формирование группового сингармонизма в праславянском языке («Вопросы языкознания», 1961, № 4).

²¹ Л. Г. Герценберг, Реконструкция индоевропейских слоговых интонаций («Исследования в области сравнительной акцентологии индоевропейских языков», Л., 1979); его же, К вопросу о классификации индоевропейских языков («Известия Академии наук СССР», Серия литературы и языка, т. 37, № 5, 1978); его же, Реконструкция индоевропейских слоговых акцентов («Вопросы языкознания», 1973, № 6).

²² W. Bennett, Prosodic features in Proto-Germanic («Toward a grammar of Proto-Germanic», Tübingen, 1972).

²³ О. С. Широков, Кавказско-индоевропейские фонологические сходства («Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков», с. 92—94); Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов, Лингвистическая типология и реконструкция системы индоевропейских смычных (там же); их же, Sprachtypologie und die Rekonstruktion der gemeinindogermanischen Verschlüsse. Vorläufiger Bericht («Phonetica», vol. 27, № 2, S. 150—156); О. С. Широков, Развитие трех серий шумных согласных в диалектах общиндоевропейского языка и проблема индоевропейско-переднеазиатских фонологических контактов (Г. С. Клычков (ред.), «Язык как процесс и система», М., 1975, с. 79—99); «Теория и история языкознания», ИНИОН АН СССР, вып. 1.

²⁴ P. I. Hopper, Glottalised and murmured occlusives in indoeuropean («Glossa», vol. 7, № 2, 1973).

²⁵ K. Ringgaard, Vestjysk stød. Aarhus, 1960; S. Smith, Stød in dansk.

ропейских шумных взрывных пересматривалась также Дж. Эмондсом, П. Расмуссеном, А. Бомхардом и Р. Нормиером²⁶. Их реконструкции можно представить в следующей таблице:

Традиционные	*t	*d	*dh
Эмондс	th	t	dh
Хоппер	t	t'	<u>d</u>
Расмуссен	T	t	d
Бомхард	t	t	d
Нормиер	th	t'	dh,

где t' у Хоппера глоттализированный, t у Бомхарда глоттализированный, d у Хоппера бормотный («murmured»), dh — у Нормиера звонкий со звонкой аспирацией, у Расмуссена T обозначает эмфатический согласный (глоттализированный или фарингализованный или напряженный). Большинство авторов считает необходимым пересмотр системы взрывных под влиянием «*tror fapense*» универсалии Р. Якобсона²⁷, требующей наличия глухих придыхательных в системе, где есть звонкие аспираты (отмечу, что при аспирации как просодическом признаке эта импликация не имеет силы). Некоторые из авторов утверждают, что введение ряда глоттализированных позволяет дать объяснение отсутствию в индоевропейском *b (в традиционной нотации), хотя их аргументация остается фрагментарной.

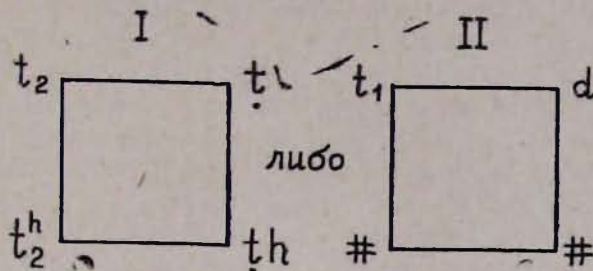
Наиболее точным соответствием неиндоевропейским глоттализированным согласным внутри индоевропейской семьи языков являются не случаи просодического толчкового или сжатогортанного удара, которое в индоевропейских языках достаточно часто, а артикуляции согласных с закрытой гортанью, т. е. согласные «романского» или «славянского» типа, глоттализированные в армянском имеют явно вторичный характер. Существует связь между признаками звонкости-незвонкости, напряженности и типом артикуляции согласных. Фонологически звонкие обычно фонетически слабы, а фонологически напряженные согласные всегда глухи. Обратное положение имеет вероятностный характер: фонологически слабые согласные имеют тенденцию к озвончению. В «романском» типе артикуляции с закрытой голосовой щелью всегда фонотический признак звонкости, признак напряженности является фонетическим

ringsprog, KØbenhavn, 1944; J. D. O'Connor, RP and the reinforcing glottal stop («English studies», Amsterdam, 1952); S. K. Chatterji, Glottal spirants and the glottal stop in New Indoaryan (In honour of Daniel Jones, London, 1964).

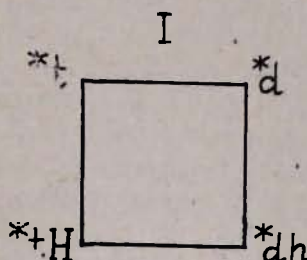
²⁶ J. Emonds, A reformulation of Grimm's law («Contributions to generative phonology», London, 1972); J. Rasmussen, Haeretica indogermanica. A Selection of indoeuropean and pre-indo-european studies, KØbenhavn, 1974; A. Bomhard, An outline of the historical phonology of Indo-European, Orbis, vol. 24, № 3, p. 354—390; R. Normier, Idg. Konsonantismus, germ. «Lautverschiebung» und Vernerisches Gesetz («Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung», Bd. 91, № 2, S. 171—218).

²⁷ R. Jakobson, Typological studies and their contribution to historical comparative linguistics. Proceedings of the Eighth International congress of Linguists, Oslo, 1958, p. 17—25.

сопутствующим, а признак аспирации не представлен. За символом t скрывается, следовательно, либо t_1 , немаркированное звонкостью, либо t_2 , маркированное напряженностью. Реально в индоевропейских языках представлены, следовательно, две подсистемы:

Первая подсистема легко интерпретируется в терминах общепринятой реконструкции (где Н—ларингальный) в виде:

Во второй подсистеме оба члена фонетически характеризуются признаком «сомкнутость гортани»—условно, если противопоставить их подсистеме I, следовательно, фонологически этот признак отсутствует. Подсистема II представлена в центральном ареале, в индоевропейском не могут существовать корни типа $*deg$, и эта система, несомненно, является результатом поздней инновации. Подсистема I объясняется последовательным выделением при распаде силлабофонемике напряженности в согласных, звонкости—в гласных, подсистема II—наоборот: напряженность—в гласных, звонкость—в согласных. Артикуляция с закрытой голосовой щелью развивалась как вторичное явление после того, как аспирация была локализована в заднеязычных, получила экспрессивный характер, а затем, после совпадения kh и x из S исчезла совершенно²⁸. Артикуляция с закрытой голосовой щелью (с падением подглоточного давления) как просодическое явление представлено в германских языках (ютский толчок) и близко к т. н. фиксированной (held) артикуляции согласных в английском языке (сравн. противопоставление *clipped, drawled, and held syllables*)²⁹. Гортан-

²⁸ Г. С. Клычков, К проблеме выведения славянского консонантизма из индоевропейского архетипа (*Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*, t. XI, Warszawa, 1971).

²⁹ D. Crystal, *Prosodic systems and intonation in English*. Cambridge, 1969, p. 163.

ная смычка как дифференциальный признак серии смычных характеризует ареал языковых контактов с тремя кавказскими языковыми семьями: картвельской, абхазо-адыгской и нахско-дагестанской, где различаются три серии (глухие глоттализированные, напряженные глухие придыхательные и звонкие). В осетинском представлены эти три серии, подобная же система существует в ряде североармянских диалектов³⁰.

Решающую роль для решения вопроса о роли дифференциального признака глоттализированности при контактах общиндоевропейского и кавказских языков играет интерпретация хеттского консонантизма, однако большинство описаний не вводит здесь признака глоттализации³¹. Индоевропейские *p, t, k* отражаются в хеттском как удвоенное *-pp, -tt, -kk* в середине слова и интерпретируются как напряженные или преаспирированные в середине слова и аспирированные—в начале. *Media* и *media aspirata* совпадают очевидно в слабых, написание которых варьируется (звонкие-глухие) и никогда не бывает двойным. Зубное *d* испытывает ассибилизацию перед гласными переднего ряда, но *dh* сохраняется как смычный.

Вне ареала контактов с кавказской языковой областью в индоевропейских языках глоттализированные взрывные не встречаются, хотя широко представлен просодический признак «толчкового» ударения. Совместно с признаками аспирации, звонкости и напряженности он участвует в широком спектре вариантов согласных в структуре слова³².

Описанные выше отношения индоевропейских и армянских согласных не укладываются в обычную модель глоттогенеза. Традиционная реконструкция, любой дальнейший шаг в интерпретации структурных связей языковых единиц объяснимы хронологически более глубоким процессом. В настоящее время возникает понятие глубинных этимологофонологических словесных структур и, соответственно, не только хронологической, но и структурной глубины³³.

Результаты внутренней реконструкции, типолого-генетического анализа более целесообразно использовать для описания глубинной генетической структуры языка, а не праязыка одного из уровней реконструкции как реального лингвистического объекта, обладавшего в свою очередь своим структурным прототипом. Основной чертой структурного глубинного прототипа в концепции, которую защищает автор данной статьи, является динамический характер модели.

³⁰ G. Deeters, *Armenisch und Sudkaukasisch. Ein Beitrag zur Frage der Sprachmischung* („Caucaska“, Leipzig, 1926, fasc. 3, 1926).

³¹ K. Benveniste, *Hittite et Indoeuropeen* („Etude comparative“, Paris, 1962); Т. В. Гамкрелидзе, *Передвижение согласных в хеттском (неситском) языке* („Переднеазнатский сборник“, М., 1961); T. Milewski, *La mutation consosantique en hittite et dans autres langues Indo-européennes* („Archiv orientální“ vol. 27, p. 2, 1949); St. Einarson, *Parallels to the stops in Hittite* („Language“, v. 8, № 3, 1932).

³² Г. С. Клычков, *Консонантизм и структура слова*, М., 1967, с. 245.

³³ Наиболее интересно это сделано в работе: J. Falaru, *Theoretical morphology of the French verb*, Amsterdam, 1979.

Для армянского языка характерно наибольшее среди индоевропейских языков приближение к протоиндоевропейской глубинной модели порождения слова, т. е. к тому хронологическому уровню, который обычно относится ко времени не позднее V тысячелетия до н. э. Среди диалектов общиндоевропейского праязыка, т. е. континуума диалектов III тысячелетия до н. э., армянский, будучи протоиндоевропейским диалектом, экстрасистемен. Диалекты общиндоевропейского языка (хеттский, греческий, славянский и т. д.) все испытали нормализацию, характерную для общиндоевропейской эпохи; армянский среди них сохраняет черты предыдущей эпохи и структуру протоиндоевропейского языка. Среди исторически засвидетельствованных индоевропейских языков конца II тысячелетия до н. э. армянский занимает прочное и вполне «законное» место среди языков своего ареала.

Какова может быть историческая интерпретация такой модели глоттогенеза?

Этногенез армян, по-видимому, отличался очень коротким периодом образования наддиалектной нормы (койне), предшествовавшим возникновению письменности.

В других индоевропейских языках наддиалектная норма (например, общегерманский, общеславянский языки и т. д.) возникала на тысячелетие ранее до возникновения письменности, в армянском же этот разрыв практически отсутствовал.

Думается, можно с уверенностью исключить миграцию уже сложившегося этнического ядра носителей армянского языка откуда-то из иного ареала; «миграция», «поход», «завоевание» требуют определенной консолидации этнического материала. Армяне скорее всего автохтоны, народ местный, а не пришлый; глоттогенез и этногенез армян не мог проходить на большом удалении от центра индоевропейской языковой области («прародины»), поскольку прослеживаются связи с очень широким кругом индоевропейских языков. Вместе с тем в армянском видны древнейшие черты, указывающие скорее на ареал изоляции или боковой ареал протоиндоевропейского языка.

Хотя языковые контакты и смешение редко приводят к креолизации и возникновению нового языка, смешение родственных индоевропейских диалектов несомненно должно было сыграть более важную роль в процессе глоттогенеза армян по сравнению с другими индоевропейскими языками.